

Эмма Рудкевич

Измена мужа.
Ты похоронил меня
ради золота!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты похоронил
меня ради золота!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты похоронил меня ради золота! / Э. Рудкевич —
«Автор», 2026

Три года назад муж сбросил мою машину в ледяную реку. Меня признали погибшей, а Виктор получил золотоносную шахту и новую жену. Но я выжила. В годовщину его свадьбы я пришла на банкет в том белом платье. — Ты же мертва! — побледнел предатель. Я хотела вернуть имя, наследство и заставить убийцу ответить. Вместо этого оказалась заперта в клинике, где меня объявили сумасшедшей. Вытащить меня оттуда вызвался Дмитрий Соколов — инвестор, которому Виктор должен миллионы. Только мой спаситель тоже знает, что случилось у реки, гораздо больше, чем признаётся. Кому верить, если один мужчина пытался убить меня, а другой три года молчал?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты похоронил меня ради золота!

Глава 1

Палец застрял в кармане: ткань смерзлась, и я никак не могла ее расправить. Минус тридцать. В этой ветровке летом ходили за водой, а я второй год считала ее верхней одеждой. Украла из барака геологов — рукава велики, молния заедает. Сейчас подтянула ворот до подбородка и прижала локти к груди. До двери надо дойти самой.

Я стояла перед административным зданием шахты «Северное Золото». На третьем этаже горел свет. Я поднимала голову, чтобы различить людей в окнах, и ветер затекал за ворот. Там шло торжество. Годовщина свадьбы моего бывшего мужа. Третья годовщина того дня, когда он официально оформил мою смерть.

У двери грелся охранник. Розовые уши торчали из-под шапки, на рукаве белела соль от снега. Он оглядел мое платье и сразу шагнул поперек входа. Даже спрашивать не стал, к кому я.

— Э, малая, — его голос хрипел, как ржавые ворота. — Закрыто. Частная территория. Иди гуляй туда, откуда пришла. Или тебе денег дать? У нас тут банкет, а ты... пахнешь бедой.

Да уж, для банкета вид у меня был неподходящий. Под ветровкой мокло белое платье; шлейф я подобрала, но край успел обледенеть. Зато Виктор узнает его. Я ради этого и напялила платье вместо теплых брюк. Пусть попробует объяснить гостям, почему ему так страшно.

— Мне нужно увидеть Лизу, — сказала я. Голос дрогнул, но я заставила его звучать ровно. — Передай ей, что Анна вернулась. Она ждёт меня.

Охранник фыркнул, выпуская пар изо рта. — Какого хрена? Какая Анна? Ты чокнутая, да? Виктор Андреевич сейчас занят важными инвесторами. А таких, как ты, сюда пускают только через задний двор, если очень повезёт. Прочь!

Он потянулся к плечу. Я знала такой жест: сейчас ухватит, развернет — и иди обратно. Виктор делал это за столом, если я вмешивалась в его разговор. Достала «нокию» раньше, чем охранник дотянулся. Телефон с трещиной, зато коммутатор набрать можно. За три года пароли могли сменить; помнила я только аварийный сервисный код. Попробую его.

Нажала вызов и сунула телефон охраннику к уху. Он отдернул голову, но из динамика уже заговорили. Ладонь у моего плеча остановилась.

— Алло? — послышался сонный голос дежурного. — Что случилось? Почему линия занята?

— Открой вход со стороны служебного крыла, код 77-4-0-9, — произнесла я четко, глядя прямо в глаза охраннику. — Сигнал тревоги ложный, проверка системы. Дай трубку начальнику смены.

Охранник выхватил телефон. — Начальника сюда, — потребовал он у дежурного и заслонил дверь плечом. Я придвинулась к его руке, пока он слушал ответ. До микрофона оставалось полладони. Он мог оттолкнуть меня, поэтому заговорила быстро и тихо:

— Скажи Лизе, что её муж спит с бухгалтершей из Москвы. Прямо сейчас. Под столом.

Бухгалтершу я выдумала. А Лизу помнила: стоило кому-нибудь назвать ее по девичьей фамилии, она тут же поправляла — жена Громова. Вот за это я и зацепилась. Одно подозрение, что почетное место может занять другая, и она потребует пустить меня.

Охранник переспросил в трубку: — Эту? Вы уверены? Через минуту щелкнул замок. Он отвел телефон от уха и посмотрел на меня так, словно это я заставила его наговорить лишнего.

— Ладно, дьявол тебя побери, — прошипел он. — Быстро внутрь. Если Виктор узнает, что ты тут...

— Пусть узнает, — улыбнулась я. И толкнула дверь.

В фойе я сперва встала на коврик. Ноги так отогревались, что их ломило. Женщина в меховой накидке обошла меня, опасливо подняв подол; на мраморе остались мои мокрые следы. Ничего, уберут. Лишь бы я успела войти в зал, прежде чем здесь решат позвать уборщицу вместе с охраной.

Банкетный зал распахнулся передо мной. За музыкой я различила смех Виктора. Смеялся он всегда чуть раньше собеседника, словно объяснял, где у него шутка. Он стоял у сцены, держа бокал шампанского, и говорил речь. Инвесторы слушали его заворожённо. Я раньше тоже слушала его так — забывала даже отпить из бокала.

Обошла колонну. Каблуки не попадали в такт музыке, я шла быстрее. Женщина у ближнего столика посмотрела на меня и толкнула спутника локтем. Они перестали разговаривать. Дальше тоже начали оборачиваться — платье заметили раньше лица.

Виктор повернулся, еще улыбаясь кому-то за моим плечом. Увидел меня — и замер с открытым ртом. Я узнала эту задержку: он так смотрел на банковское уведомление, когда сумма оказывалась меньше ожидаемой. Сейчас уведомлением была я.

Бокал в его руке дрогнул. Капля шампанского скатилась по стеклу и упала на безупречно белый платок в нагрудном кармане.

Ближайшие гости замолчали; вслед за ними обернулись люди у сцены. Музыка стихла. Ведущий замер с микрофоном у рта. Все смотрели на меня. На призрак в белом.

Я подошла ближе. Мне мешала чужая норковая накидка; пришлось обойти женщину и еще раз поправить шлейф. До него оставалось три метра. Два. На расстоянии вытянутой руки я остановилась.

Виктор открыл рот. Я ждала привычного «не сейчас, Аня», которым он обрывал меня при гостях. Вышел только хрип. Он стиснул ножку бокала и попытался вдохнуть еще раз.

— Привет, — сказала я, перекрывая последние звуки музыки. Подбородок пришлось поднять: иначе он снова смотрел бы поверх меня.

Гость рядом с Виктором подался вперед. Расслышал. Хорошо: я боялась, что голос сорвется и выйдет один хрип. Виктор вдохнул так часто, что задержалась цепочка у ворота. Говорить мне первой больше не понадобилось.

— Ты... — прошептал он. — Ты мертва.

— Очевидно, нет, — ответила я. — Хотя ты старался.

Виктор поднял подбородок и посмотрел поверх моей головы — на охрану. Меня уже узнавать не хотел; теперь надо было заставить остальных не узнать. — Кто пустил эту сумасшедшую? — рявкнул он, обращаясь уже не ко мне, а к охране, которая толпилась у входа. — Вытащить её! Немедленно! Она больна! Ей нужна помощь!

Гости начали перешёптываться. «Психопатка?», «Сестра?», «Бывшая любовница?». Он знал, что делает. Еще минута — и никто не станет слушать меня, только помогут вывести.

Я улыбнулась. Медленно, демонстративно. И повернула голову так, чтобы свет люстр упал на мой висок. Там, среди выбритых прядей, виднелся грубый, неровный шрам. След от удара тяжёлым предметом. След, который Виктор нанёс мне три года назад, прежде чем сбросить машину в реку.

— Помнишь это место, Витя? — спросила я, наклонившись к микрофону, который ведущий всё ещё держал перед собой. — Ты сказал, что это память обо мне. Что я буду помнить всегда.

Виктор глянул на мой висок и попятился, задев гостя локтем. Ведущий все еще держал микрофон между нами. Вот теперь Вите придется ответить вслух — эту фразу у реки слышала только я.

Лиза протиснулась между гостями. Изумрудный шелк перехватывал свет; на секунду я посмотрела на платье, а не на нее. Лиза успела схватить меня за руку. Красивые длинные ногти впились под край рукава.

— Как ты смеешь?! — зашипела она, дёргая меня на себя. — Убирайся! Ты позоришь нас! Ты хочешь денег? Сколько? Назови цену, и убирайся!

Ее ногти оставили четыре красные вмятины. Лиза глянула на них, потом на Виктора. Вцепилась сильнее. Хотела, чтобы я исчезла немедленно, и за всем ее криком я слышала это «немедленно».

Я повернула запястье в ее хватке и вытянула руку. На коже остались следы ногтей; сразу спрятать их не дала себе. — Детка, — прошептала я ей на ухо. — Он убил меня три года назад. Ты живёшь с трупом. И он начинает вонять.

Лиза отшатнулась, как будто я ударила её. Она уставилась на Виктора, который всё ещё кричал приказ охранникам. Спросить его об аварии не решилась, но руку с моего локтя убрала.

Двое крепких парней наконец добрались до меня. Их руки легли на мои локти, готовые вывернуть их и вытащить в холод. Я сопротивляться не стала. Сила против силы здесь бессмысленна. Мне нужен был скандал, и он случился. Теперь моя задача — выйти из него живой.

— Убрать мусор! — орал Виктор, теряя остатки самообладания. Его лицо перекосило от ярости.

Глава 2

И тогда входная дверь банкетного зала открылась снова.

У входа, через который пришла я, все еще толпились охранники. Мужчина вошел через центральные двойные двери. В черном пальто он едва помещался плечами между створками. Прошел мимо первого охранника; тот потянулся к нему и тут же убрал руку.

Тот, кто держал меня справа, ослабил хватку. Второй потянул за собой, но первый остался на месте. Из зала меня пока не тащили — можно было расправить плечи и посмотреть, кто вошел.

Дмитрий Соколов. Частный инвестор. Коллектор долгов. Человек, которому Виктор задолжал больше, чем стоила вся эта шахта вместе с золотом в ней.

До нас он не дошел: остановился, и охранники сами подались к нему. Виктор ждал обращения к себе. Соколов посмотрел на мои локти в чужих руках, потом поднял глаза на того, кто держал правый.

— Оставьте даму, — произнёс он. Я услышала его сквозь Викторов крик. Охранники услышали тоже.

Виктор дёрнулся. — Дмитрий Сергеевич, это недоразумение. Эта женщина психически нездорова, она вторглась на частную территорию...

— Я хочу с ней поговорить, — перебил Соколов, даже не повышая тона. Он смотрел только на меня. — Сейчас.

Охранник справа посмотрел на Виктора, потом на Соколова. Второй все еще сжимал мой локоть. — Пусти, — процедил первый ему, и только тогда с меня убрали руки.

Я сделала шаг назад, свободная.

Виктор скрипнул зубами, но промолчал. При гостях тронуть Соколова он не решился.

Дмитрий развернулся спиной к толпе, к своему врагу, и жестом предложил мне следовать за ним. — Идёмте, Анна Ветрова.

Ветрова. Даже фамилию назвал правильно, не Громова. Я посмотрела на него внимательнее: кто успел рассказать ему обо мне?

В коридоре я оглянулась. В щели между дверями еще мелькало Викторово лицо; потом створки сомкнулись. Музыку так и не включили. Здесь было холоднее, пахло табаком, и я наконец могла перестать улыбаться. Держать рот растянутым оказалось больно.

Соколов выбрал окно во двор. Щелкнул зажигалкой, прикрыл огонь ладонью. Мне хотелось протянуть к нему пальцы, но я удержалась. Разглядела только шрам через бровь и спросила себя, кого он ждет снаружи. В стекле отражались мы оба.

Он затянулся, выпустил дым в темноту и повернулся ко мне. — Вы опоздали на три года, Анна, — сказал он спокойно. — Но зато пришли вовремя.

Я скрестила руки на груди, чувствуя, как холод пронизывает тонкую ткань платья. — Кто вы такой? И почему вы знаете моё имя?

Дмитрий усмехнулся. Это была странная, невеселая улыбка. — Мне известно, что случилось на реке. Я могу вывести вас отсюда. И мне нужен ваш ум, чтобы вскрыть гниль, которую Виктор Громов называет бизнесом.

Он шагнул ближе. Запах дорогого табака и мужского одеколона окутал меня. Я не отступила. — Я предлагаю сделку, — продолжил он. — Вы помогаете мне собрать доказательства мошенничества и подлога Виктора. Взамен я обеспечиваю вам новые документы, защиту и деньги. Много денег.

— А мое согласие вам зачем? — спросила я. — Виктор богат. Купите у него то, что вам нужно. Это проще, чем вытаскивать меня из его охраны.

— Потому что я не коллектор, Анна. Я — хищник. И у меня тоже есть счет к нему. Личный.

Он протянул ключ от служебной машины во дворе. Я посмотрела на раскрытую ладонь. Взять ключ легче, чем пожать ему руку; от сделки еще можно отказаться. — Решайте быстро. Виктор уже набирает номер полиции. У нас пять минут, прежде чем здесь появятся люди, которые найдут тело «безумной женщины» в сугробе.

На ключе болтался пластиковый номерок. Я могла добраться до машины, запереться и хотя бы отогреть ноги. Обещания этого человека подождут. Виктор остался за дверью, и возвращаться к нему я не собиралась. Соколову я пока не верила. Но к машине идти собиралась.

— Готовы начать войну? — спросил Дмитрий. Ключа он не убирал. За дверью громко заговорил Виктор, и я повернулась на звук. Соколов дождался, пока я снова посмотрю на него.

Я взяла ключ. Металл был тёплым от его руки. — Я готова, — сказала я.

У служебного выхода Дмитрия задержал начальник охраны: требовал разобраться с пропуском. Соколов показал мне дверь во двор и поднял пять пальцев — ждать пять минут. Я сжала ключ, вышла, и дверь захлопнулась, отрезая последний луч света из банкетного зала.

Во дворе я еще улыбалась. Виктор уронил голос на одном моем «привет» — ради этого стоило вернуться. А потом дверь закрылась за спиной, и ветер сдул остатки тепла из-под ветровки. Машины в темноте не разобрать. Надо было дожидаться Дмитрия внутри; я поняла это поздно, когда к выходу уже подошли охранники.

Первый охранник подошел сбоку и ухватил локоть, второй встал у ворот с дубинкой. Пока я искала машину, они успели получить приказ. Дверь за спиной уже не открывалась.

— Пойдем, мамочка, поболтаем с директором, — хрипло бросил первый.

«Мамочка» больно дернул меня к себе. За спиной была запертая дверь, впереди — дубинка. Объяснять, что меня вывел Соколов, бесполезно: этот слышал приказ Виктора и уже выбрал, кому подчиняться. Я встала боком, чтобы он не мог ухватить второй локоть.

Я знала анатомию лучше, чем они знали свои права. В экспедициях я научилась вырываться из чужой хватки, не дожидаясь помощи. Вдавила шпильку ему в подъем стопы и потянула локоть на себя. Мужчина взвыл, согнулся и ослабил хватку. Я вырвалась, но потеряла равновесие. Левая туфля соскользнула с ноги и улетела в темноту двора.

Босая стопа прилипла к наледи. Я дернула ее и побежала, приволакивая левую ногу; на каждом шаге приходилось срывать вес на правый каблук. Через двор так не пересечь. Прижалась к складу, выбирая снег вместо голого асфальта.

Из динамика, смонтированного на крыше ангара, раздался треск, а затем голос Виктора. Он вышел на балкон второго этажа с рацией у рта. Проектор бил ему в спину. Я видела поднятую рацию и свободную руку на перилах: держится, чтобы разглядеть двор получше.

— Найти её! Живой или мёртвой! Если она дойдет до ворот, вы все будете уволены!

По стене прошел луч. Я втянула голову в плечи и прижалась ближе — свет искал выше, чем я стояла. Платье липло к спине. Хотела расстегнуть ветровку, поправить ткань, но пальцы уже не могли найти молнию.

Кто-то шел вдоль склада. Затаптал снег, остановился, снова шагнул. По паузам я узнала Виктора: он разговаривал по телефону и двигался, пока слушал ответ. Подходить к свету больше нельзя.

За складом была сточная канава. Лед у края темнел, значит, тонкий. Я посмотрела на ближайший сугроб — там меня увидят сразу. В канаве хотя бы можно лечь ниже борта. Подобрала подол и прыгнула.

Лед хрустнул под правой ногой. Я провалилась, хлебнула грязной воды и зажала рот — выплюнуть можно, кашлять нельзя. Платье стянуло колени; расправила их под водой. От нефтепродуктов тошнило. Уложились ниже борта, оставив снаружи нос, и ждала, пока пройдет судорога.

Над головой прошла тень. Сапоги Виктора остановились в метре от моего лица. Я видела подошву, забитую снегом, и каплю воды, стекающую с края канавы прямо на мою щеку.

— Где же ты, Аня? — пробормотал он себе под нос. Голос был спокойным, даже нежным. От этого стало еще страшнее. — Ты никуда не денешься. Эта земля моя. И ты тоже.

Виктор остался у края. Я держала лицо над водой, стараясь не шевелить даже подбородком. Он проверил часы и ушел, продолжая отдавать команды в телефон. Пока его сапоги скрипели рядом, вылезать было нельзя.

О бетонный край я рассекла ногу. На четвереньках перебралась к ангару, оставляя за собой воду и кровь. До ворот хватило сил, а дальше — нет. Дернула ручку: заперто. Попробовала еще раз, хотя знала, что от этого замок не изменится.

Стопы перестали болеть, и это пугало сильнее пореза. Я растирала их ладонями, но уже почти не чувствовала прикосновений. Я осела на снег. Даже Виктора больше не искала — хотелось закрыть глаза. Засну, и искать выход станет некому.

Над воротами было приоткрыто окно. Я раньше замечала его, когда проходила здесь с Виктором: тогда казалось, что высота небольшая. Теперь два метра были неприступными. Под окном торчали гвозди старой опалубки. Проверила ближайший пальцами — держался.

Наступила на нижний гвоздь правой туфлей, проверила, выдержит ли, и подтянулась. Пальцы скользили по обледенелому бетону. Следующий гвоздь впился в босую стопу, зато на него можно было перенести вес. На серой стене осталась кровь. Плечо жгло; я прижалась щекой к бетону, давая себе один вдох перед новым захватом. Перехватила выше. Локоть дрожал; если сейчас отпущу, второй раз до окна не доберусь. Оставалось достать до рамы. Не думать о том, выдержат ли пальцы: перехватиться и достать.

Спрыгнула на бетон и сразу подвернула под себя ногу. Запах солянки успел успокоить: внутри, уже внутри. Потом забили зубы. Я обняла колени, но мокрое платье не давало согреться, только с каждой дрожью плотнее прилегало к коже.

Глава 3

Дверь открылась. Я ждала удара о стену, крика — их не было. Человек шел прямо ко мне, не ощупывая фонарем углы. Знал, где искать.

На полу возле ладони лежал обрезок арматуры. Потянула к себе, зажала обеими руками. Поднять пока не могла. Зато если человек наклонится слишком близко, можно ткнуть ему в лицо. Я смотрела на его ботинки.

Он осветил меня. Зажмурилась, приподняла арматуру, дождалась, пока глаза привыкнут. Широкие плечи, воротник пальто — Соколов. Он не спросил, зачем я спряталась.

Соколов сперва осветил мои ноги, потом лицо. Арматуру в руке заметил и остановился так, чтобы я не дотянулась. Проверял, в состоянии ли я идти. Хорошо, что не полез обнимать: я бы ударила, даже зная, кто передо мной.

Дмитрий молча стянул с шеи кашемировый шарф и снял куртку. Накинул ее мне на ноги, поверх мокрого платья. От теплой ткани захотелось свернуться и спрятать в нее руки. Я вдохнула табак, державшийся в воротнике, и отдернула колени. Еще на банкете он говорил, что я буду работать на него. Сейчас укурюсь, дам довести куда-нибудь — а утром услышу: мы ведь договорились. Условий я так и не получила.

— Убери, — прошипела я сквозь стиснутые зубы. Голос сорвался в хрип. — Мне не нужна твоя милостыня.

Руки тряслись, но я оттолкнула ткань ногой. Куртка осталась в грязи. Я смотрела на нее, надеясь, что он поднимет и предложит еще раз.

Дмитрий глянул на куртку в грязи, потом на арматуру, которую я все еще держала. Достал телефон. Я ждала, что скажет поднимать самой; он набрал Виктора. Первую же фразу я слышала, хотя он говорил тише, чем со мной:

— Виктор, я забрал твою проблему. Долг клиники теперь плюс двадцать процентов. Нет, я не шучу. Твои люди уже в пути за деньгами. А призрак... призрак будет работать на меня.

Он закончил звонок и посмотрел на меня. Я прижала арматуру к коленям. «Будет работать на меня» — он сказал это Виктору, прежде чем услышал мое согласие. Хотелось поправить его при том же свидетеле, но телефон он уже убрал.

— Или ты замерзнешь здесь, пока он не пришлет бульдозер, чтобы сравнять ангар с землей, — сказал он тихо, — или надеваешь это и идешь со мной. Выбор за тобой, Анна.

Снаружи никто не пытался выбить дверь. Значит, с этим человеком Громов считался. Мне бы дотянуть до машины — там разберусь, сколько стоит его помощь.

Я провела пальцами по губам — прикосновения почти не чувствовала. Куртка лежала у ног, рукой до нее можно дотянуться. Так просто. А я сидела с железкой и ждала, пока умру назло Соколову. Виктору бы понравилось. Я разжала пальцы; арматура стукнула о пол.

Соскребла куртку с пола и надела. Рукав выворачивался; Дмитрий подал его мне, не пытаясь обнять. Я застегнула все, что смогла, и только после этого заметила, что снова понимаю его слова целиком. До сих пор они доходили обрывками.

Мы вышли из ангара. Следы у окна уже присыпало снегом. Я старалась в них не наступать — боялась снова соскользнуть к канаве. Дмитрий вел меня к своей машине — черному внедорожнику, скрытому в тени соседнего здания. Фары были выключены, двигатель молчал.

Задняя дверца открылась тяжело, с чавканьем уплотнителя. Я влезла, стараясь не задеть порезом кожу сиденья, и подтянула куртку к коленям. Ручку двери нащупала сразу. Изнутри открывалась — уже хорошо. Сидеть спиной к выходу рядом с чужим мужчиной я разучилась.

Машина тронулась. Я смотрела в зеркало, пока огни шахты не скрылись за снегом. Стопы снова заболели; я подтянула их под куртку и вспомнила сапоги Виктора над самым лицом. Он

постоял, проверил часы и ушел. Даже в канаву не наклонился. Пальцы стиснули край сиденья: а если он видел, куда я прыгнула? Просто ждал, когда вода и мороз сделают остальное?

— Он ждал тебя там, — вдруг сказал Дмитрий, не оборачиваясь. Его голос был спокойным, почти равнодушным. — Хотел увидеть, как ты умрешь от холода, чтобы списать всё на несчастный случай. Никаких улик. Просто замерзшая женщина в тундре.

Я повернула голову, уставившись на его профиль.

— Я помешал, — продолжил он. — Теперь ты моя страховка.

«Моя страховка». Я повернулась к боковому окну, чтобы он не видел лица. Даже спросить, что я хочу, не подумал. Вытащил из ангара, согрел — и записал в свои вещи. Так Виктор сначала дарил подарки, а потом напоминал, кто их оплатил. Я крепче стиснула ручку двери.

Ручка поддавалась на несколько миллиметров. Отпустила: на ходу не выпрыгнешь. Пускай довезет до освещенной улицы. Там смогу выйти без его разрешения.

Когда он остановился у аптеки за перевязочным пакетом, я вернула ключ на переднее сиденье. Забрала куртку, сунутые им в карман деньги и выбралась через другую дверь. До вывески мотеля было меньше квартала. Под защитой Соколова я успела оказаться дважды за один вечер; оба раза он говорил со мной как с купленной вещью. Третьего раза я не хотела.

У стойки «Тайги» с куртки капало на линолеум. Я положила купюры перед женщиной с журналом: три тысячи, которые Соколов сунул в карман у аптеки. Собрать деньги обратно было бы трудно, пальцы не сгибались. Поэтому надеялась, что она возьмет их сразу.

— Номер нужен, — сказала я. Голос сорвался на хрип.

Администраторша водила ручкой по сканворду. Денег не коснулась. Я ждала, когда закончит клетку и поднимет голову. — Паспорт. Залог пятьсот. Идите дальше, если нет денег.

Я ударила кулаком по столешнице. Отдача прошла через костяшки, но боль была где-то далеко, заглушенная общим ознобом. — Мне нужно просто переночевать. У меня... авария. Документы потеряны. Я геолог, работала на шахте, вы должны знать этот район.

Она отвела журнал, посмотрела на лужицу под моими ногами. Потянулась к телефону. Я пыталась вспомнить, кто из работников мотеля видел меня раньше; эта могла не знать, зато ее начальник наверняка знал Виктора. — Здесь часто такие приходят. Призраки со снегом в волосах. Служба безопасности? Да, у нас тут одна такая... нервная барышня. Без документов, с истерикой.

За стойку я держалась обеими руками. В голове шумело, а женщине еще надо было объяснять, почему у живого геолога нет паспорта. Не объясню. Уберу деньги и уйду, пока она не дозвонилась.

Наружная дверь оказалась тяжелее, чем при входе. Я вытолкнула ее плечом, дошла до стены и села в снег. Хотела натянуть куртку на ноги, но ее подол не дотягивался до щиколоток. Вдохнула и закашлялась — мороз не пускал воздух дальше горла.

У мотеля остановилась полицейская машина. Синий свет ходил по стене над моей головой. Мужчина в форме вышел с сигаретой, подождал возле капота, потом подошел. Мне казалось, он идет слишком долго.

— Ты чего тут валяешься, гражданочка? — Помогите... холодно, — проскулила я. Это был не мой голос. Чей-то чужой, тонкий и жалкий.

Он присел на корточки. Пахло от него дешевым табаком и бензином. — Документы есть? — Нет... я Анна... Анна Ветрова.

Лицо полицейского изменилось мгновенно. Равнодушие исчезло, сменившись острым, хищным интересом. Он не достал блокнот. Не спросил адрес. Просто посмотрел мне прямо в глаза и произнес в гарнитуру: — База, подтверждение по имени Ветрова Анна Сергеевна. Статус... умершая. Три года назад. Сейчас найдена живой, состояние измененное. Вызывайте «скорую». Клиника «Ресурс», приоритетный заказ.

Умершая. Значит, он уже проверил или заранее знал фамилию. Я попыталась опереться о стену и встать. Полицейский ухватил оба запястья, подтянул друг к другу; на коже затянулись тканевые фиксаторы. Просить помощи у него больше нельзя.

— Тихо, тихо, девочка, — прошептал он, и в его глазах плясали чертики удовлетворения. — Тебе надо отдохнуть. Виктор Андреевич очень беспокоится о твоём здоровье.

Лампы коридора мелькали надо мной. В «Ресурс» меня внесли на носилках; я попробовала поднять голову и увидела голую пятку за краем одеяла. Туфля так и осталась у шахты. Хотела попросить прикрыть ногу, но изо рта вышло только сипение.

Очнулась я от ощущения холодной иглы, входящей в вену. Над мной склонился врач. Его имя было вышито на халате золотыми нитками — Аркадий Львович. Старый знакомый Виктора. Тот самый, кто подписывал заключение о смерти после той аварии на реке.

— Как себя чувствуем, Анна? — спросил он, не глядя мне в глаза. Он смотрел на монитор, где ровными линиями ползла моя жизнь. — Я здорова, — прохрипела я, пытаюсь сесть. Голова гудела, как трансформаторная будка. — Мне нужно выйти. Это недоразумение.

Аркадий Львович вздохнул, будто я капризный ребенок. — Острый психотический эпизод, — сказал он кому-то за моей спиной. — Амнезия, бред преследования. Муж прав, она действительно сломалась после потери мужа... то есть, после аварии. — Я не сумасшедшая! — крикнула я, но голос сорвался на шепот.

Врач повернулся к медсестре. — Седативное. Полторы дозы. Она должна уснуть до приезда супруга.

Игла вошла в плечо. Мир начал темнеть краями, как старый фильм. Последним, что я увидела, было отражение в зеркале на стене: бледная женщина с безумными глазами, которую убирают в клетку.

Глава 4

Проснувшись, я сперва ждала скрипа тележки. Никто не ехал; даже за стеной не разговаривали. Позвала сестру, чтобы услышать собственный голос.

Я лежала в белой комнате. Окна не было. Только матовое стекло вместо стены, за которым угадывался контур другого помещения. Дверь представляла собой сплошную панель без ручки. Электронный замок.

Под наволочкой кололо. Я вытащила крошечный кусок фольги: кто-то оставил от шоколадки. Собрала края к середине, чтобы не порезаться. Убирать обратно не стала; сунула в ладонь, спрятанную под простыней.

Дверь скрипнула. Вошла медсестра. Молодая, с синяками под глазами. Она быстро оглянулась, проверяя камеру (которой здесь, казалось, не было), и шепнула: — Виктор Андреевич передавал привет. Просил передать, что вы будете отдыхать столько, сколько потребуется. Для восстановления памяти.

Она положила рядом с моей рукой стакан воды и ушла. Щелчок замка звучал как выстрел.

Счет дням я потеряла. Считала подносы: после третьего должны погасить свет, после сна снова принесут жидкое пюре. Иногда просыпалась уже с укусом на плече и не помнила, приходила ли сестра. Воду пыталась нюхать, но лекарства ничем не пахли.

Фамилия врача ускользала. Стоило повторить ее трижды — вспомню; через час опять не могла. Лизу представляла то в зеленом платье, то на банкетной фотографии. Я не знала, какое воспоминание настоящее, и от этого еще злее держалась за имя Виктора.

Разгладила фольгу ногтем. Отражение получалось кривым, один глаз больше другого. Все-таки мое лицо. Я шепотом назвала свое имя, фамилию, Катино имя. На следующий поднос повторяю — ни одного слова им не отдам.

Чтобы не сойти с ума от одиночества, я начала стучать. Костяшками пальцев по металлической раме кровати. Раз-два-три. Четыре-пять-шесть. На каждый принесенный поднос приходилось сто ударов. Потом начинала заново. Пока помнила счет, меня еще не стерли.

На пятый день (так мне показалось) за матовым стеклом появилась тень. Потом еще одна. Виктор.

Он стоял там, за стеклом, наблюдая за мной. Я видела лишь силуэт, но узнала эту осанку, этот наклон головы. Холодный, расчетливый зверь, рассматривающий пойманную мышь.

Стучать я перестала. Подняла голову: если он пришел посмотреть на то, что от меня осталось, пусть смотрит. Я хотела встать, но побоялась, что не удержат колени. Поэтому осталась сидеть, глядя прямо на него.

Я улыбнулась. Широко, показывая зубы. Улыбка мертвеца, вернувшегося из могилы.

За стеклом силуэт вздрогнул. Виктор сделал шаг назад. Он испугался. Не моего состояния, а этого взгляда.

В ту ночь я проспала поднос. Проснулась, снова провалилась. На языке оставалась сухая горечь; я хотела пить, но руку до стакана так и не донесла.

Разбудил меня сквозняк по голой щиколотке. Дверь открылась.

Не медсестра. Не врач.

Высокая фигура в темном костюме. Запах дорогого парфюма и табака. Дмитрий Соколов.

У порога мелькнул охранник. Соколов показал ему карту доступа, дождался, пока тот отступит, и закрыл дверь. У охранника я еще могла просить выпустить меня; теперь просить придется у Дмитрия.

Он наклонился над койкой, и я потянула простыню к шее. От этого расстояния хотелось вжаться в подушку, но я заставила себя смотреть на него. Пока он говорит со мной, можно спросить, как выйти.

— Ты слишком хороша для сумасшедшего дома, Анна, — сказал он тихо. Голос был низким, вибрирующим, как струна виолончели.

Я попыталась отшатнуться, но тело не послушалось. — Что вам нужно?

Дмитрий выпрямился, доставая из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и дорогую перьевую ручку. Положил их на край койки.

— Клиника «Ресурс» висит на волоске. Долги Виктора перед моим фондом стали критическими. Он пытается скрыть активы, используя вас как заложницу и как доказательство своего «гуманизма». Но юристы работают иначе.

Соколов подождал ответа. Ручку с койки не убрал, но и в руку мне ее не вложил. Хотел, чтобы я сама потянулась. У меня пальцы еле сгибались; он видел и это.

— Я покупаю долг клиники вместе с вами. Вы становитесь частью актива. А актив можно вывести, переоформить, использовать.

— Зачем? — спросила я.

Дмитрий убрал улыбку, прежде чем ответить. Видимо, вопрос прозвучал для него глупо. Я ждала: без причины его прихода даже подписывать что-нибудь не хотелось. — Потому что Виктор Громов разрушил мой бизнес три года назад. И я жду момента, чтобы забрать все. Но мне нужна ключница. Та, кто знает его секреты. Та, кто хочет его смерти больше, чем жить самой.

Он протянул мне бумагу. — Напиши заявление об увольнении из своей жизни. Из этой палаты. Из роли жертвы. Я подпишу его своим чеком. Но учти: когда ты выйдешь отсюда, ты будешь должна мне больше, чем жизнь.

Я отодвинула лист. Без условий о защите Кати и праве отказаться я ничего не подпишу. Он забрал бумагу, сказал, что вернется, и ушел. Утром меня перевели из комнаты с матовой стеной в обычную палату. Я решила, что меня наконец отпустят. Медсестра пришла со шприцем.

Иголка впилась в вену на сгибе локтя, и мир качнулся. Не от боли — от унижения. Я отдернула руку так резко, что медсестра едва не выронила шприц. Холодный пластик больно ударил по предплечью, оставляя багровый след.

— Не смейте, — прошипела я сквозь стиснутые зубы. Голос сорвался, хриплый от обезвоживания и криков, которые я глотала последние часы. — Я здорова. Позовите врача. Сейчас же.

У сестры халат разошелся на животе. Она застегнула пуговицу свободной рукой, другой продолжая держать меня. Я попробовала потянуть запястье вниз; хватка стала крепче. Ей даже смотреть на руку не понадобилось.

— Тише, девочка, тише, — она говорила мягко, почти матерински, но её пальцы железной хваткой держали мою руку, не давая вырваться. — Ты в состоянии аффекта. Это нормально после такого стресса. Тебе нужно успокоиться.

Я попыталась пнуть её под колено, но ноги были ватными, непослушными. Воздух в палате пах хлоркой и чем-то сладковатым, тошнотворным — как гнилые яблоки.

— Убери руки! — заорала я, чувствуя, как горит лицо.

Медсестра улыбнулась. Тихо, крадучись, она наклонилась к моему уху, и запах дешёвых духов смешался с запахом спирта. Её губы почти коснулись моей щеки.

— Виктор Андреевич просил передать: чем спокойнее ты будешь, тем быстрее тебя выпустят.

При его имени я перестала вырываться. Она ждала, что мне станет спокойнее. А я считала, сколько здесь дверей между мной и улицей и найдется ли хоть один человек, который не передает приветы от Виктора.

Она наконец отпустила мою руку и вышла, тихо щёлкнув замком. Звук этот был громче выстрела.

Я осталась одна. Серые стены, скрипучая кровать, окно, закрытое снаружи металлическими ставнями. Узкая полоса света ложилась поперек матраса. Я села, ощупывая пространство вокруг себя. Голова гудела, но тело требовало действий. Окно закрыто ставнями снаружи. До него еще надо встать и дойти; я пока осматривала то, что можно достать с кровати.

Сначала — оружие. Я схватила пластиковую кружку, стоявшую на тумбочке. Хлипкая, дешевая вещь. Разломать и получить острый край? Стены обшили мягкими панелями; об них даже пластик не треснет. Кружка треснула, когда я ударила ей о край кровати, но острых краев не образовалось. Только тупые, безопасные сколы. Безопасность для них. Опасность для меня.

Я бросила остатки в угол. В дверном глазке мелькнула тень. Кто-то наблюдал. Всегда наблюдал.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял охранник — гора мышц в черной куртке. Он не смотрел мне в глаза, только шаркал взглядом по полу.

— Чистота, — буркнул он.

Прежде чем я успела среагировать, он шагнул внутрь, схватил подушку и одеяло, сунул их под мышку. Затем поднял с пола обломки кружки.

— Верни! — крикнула я, вскакивая с кровати. Колени подогнулись, я чуть не упала, но удержалась за спинку.

Он игнорировал меня. Вынес всё. Оставил голый матрас и пустую тумбочку. Дверь захлопнулась.

Подушку он тоже унес. Я легла на бок, сунув ладонь под щеку, и подтянула колени. На матрасе осталась моя вмятина. Хорошо хоть кровать не утащили — вот до чего я здесь дошла, радуюсь кровати.

Полоска света от окна исчезла. В коридоре сменились шаги: дневная сестра шаркала, эти люди наступали на линолеум жестко, с каблука. Их разговор я почти не разбирала, но голоса были новые.

Глава 5

За дверью разговаривали. Два разных голоса, ни один не похож на медсестру. Я соскочила с койки: вдруг это родственники другого пациента, вдруг они еще не знают, что здесь делают.

Я подошла к двери, прижалась ухом к холодному металлу. Заорала, вкладывая в голос всю ярость, весь страх: — Помогите! Здесь пленница! Меня насильно держат!

За дверью не ответили. Я ударила ладонью в металл и снова позвала — уже не разбирая слов.

Щелчок замка. Дверь открылась.

Упиралась ногой в косяк, чтобы не захлопнули дверь сразу. Вошел мужчина в очках. Костюм вместо халата, блокнот под мышкой. Я отступила лишь тогда, когда заметила за ним охранника.

— Анна Ветрова, — произнес он ровным, скучным голосом. — Давайте продолжим наш разговор.

Он вошел, сел на единственный табурет, придвинув его ближе ко мне. Я не села. Стояла посреди комнаты, чувствуя себя обнаженной.

— Расскажите мне о том дне, — начал он, делая пометку в блокноте. — Три года назад. Авария на реке. Что вы помните?

— Вы не врач, — сказала я холодно. — Врачи спрашивают о симптомах. Головные боли, бессонница, страхи. Вы спрашиваете о фактах.

Он усмехнулся уголками губ. — А вы наблюдательны. Для «психотички». Ответьте на вопрос. Что произошло с машиной?

— Я не помню деталей, — соврала я. Память была стерильно чистой. Каждый изгиб дороги, каждый метр льда. Я помнила удар по виску и его руку у рычага. Потом — наклон, воду, черное стекло. Он оставил меня тонуть.

Он оторвался от блокнота. Мой отказ вспоминать машину его задержал. Я ждала нового вопроса. — Странно. Виктор Андреевич утверждает, что вы пытались угнать автомобиль. Что вы были агрессивны. Вы это помните?

Вот что ему требовалось: чтобы я повторила версию Виктора хотя бы один раз. Потом эту фразу вынут из разговора, запишут в карту. Я отступила от табурета. Больше ни слова про машину.

— Убирайтесь, — прошептала я.

Он встал, аккуратно закрыл блокнот. — Сон важен для восстановления когнитивных функций. Примите таблетку.

Он положил маленькую белую пилюлю на пустую тумбочку и вышел.

Утро принесло новый вид пытки.

Дверь открылась, и в палату вошла Лиза Корнилова. Новая жена Виктора. Та самая, которую он представил миру как свою законную супругу три года назад. Она выглядела... разбитой. Дорогое платье сидело мешком, тушь потекла, превращая глаза в черные провалы. Руки дрожали, сжимая платок.

— Привет, — выдавила она, не глядя на меня.

На скуле у Лизы темнело пятно под кремом. Серьги отвлекали взгляд, но я знала, куда смотреть. Виктор раньше сам советовал мне надеть яркие серьги, если оставлял след на лице.

— Виктор велел поговорить с тобой, — Лиза шмыгнула носом. — Сказал, ты бедняжка. Что тебе нужна поддержка.

Она подошла ближе. Пахла дорогим парфюмом и страхом.

— Лиза, — мой голос был тихим, но твердым. — Посмотри на меня.

Она вздрогнула, подняла заплаканные глаза.

— Он убил меня юридически, чтобы забрать твою жизнь, — я говорила медленно, вкладывая каждое слово в её сознание, как гвоздь в доску. — Эта авария была инсценировкой. Я жива. А ты — просто новая игрушка, пока он оформляет документы на шахту. Он использует тебя так же, как использовал меня. И завтра выбросит.

Лиза остановилась. Держала платок у щеки и терла одно место, где крем прикрывал синяк. Я решила, что сейчас спросит, как выбраться. Она только вдохнула, будто собиралась спорить.

Но вместо этого она резко отшатнулась, как будто я ударила её.

— Ты сумасшедшая! — закричала она, и в этом крике было столько истерики, что у меня заложило уши. — Ты врешь! Виктор любит меня! Он защитник! А ты... ты призрак! Ты хочешь разрушить нашу семью!

Она развернулась и выбежала из палаты, хлопнув дверью так, что затряслись стены.

Через минуту я услышала приглушенный голос из коридора. Лиза плакала, но говорила быстро, четко. — ...она знает детали аварии... она назвала имена... нет, она совсем потеряла рассудок... да, переведите её...

Она сдала разговор. Теперь они знали, что я помню аварию, и надеяться на случайную ошибку врачей было поздно.

Дверь снова открылась. На этот раз вошли двое санитаров. Крупные, молчаливые, с влажными лбами.

— Перевод в отдельную камеру, — сказал один из них, не задавая вопросов.

— Я не пойду, — я вцепилась руками в дверной косяк. Ногти заскрежетали по дереву. Боль пронзила пальцы, но я не разжала хватку. — Вы не имеете права!

Санитары переглянулись. Один из них грубо оттолкнул мои руки, второй схватил за плечи. Мои ногти царапали воздух. Я сопротивлялась, кусаясь, пинаясь, но силы были неравны. Их было двое, а во мне — только ярость и истощение.

Они скрутили мне руки за спиной. Грубо, с хрустом суставов. Потасили по коридору.

Камера-одиночка была меньше предыдущей палаты. Без окна. Без мебели. Только жесткие стены, окрашенные в грязно-желтый цвет, и камера наблюдения в углу потолка, мигающая красным огоньком.

Дверь захлопнулась. Щелчок замка прозвучал как приговор.

В углу пахло мочой; сесть там я не могла. Выбрала стену ближе к двери и обняла колени. Лампа над камерой светила прямо в лицо. Я закрывала глаза ладонью, но руку быстро сводило — приходилось снова убирать.

Я считала до ста, начинала заново. Через несколько кругов путала, на каком остановилась. Еды не несли. Смотрела на дверную щель и злилась на себя: снова жду, когда кто-нибудь разрешит хотя бы поест.

Когда дверь открылась, я не сразу поняла, что это. Санитар внес поднос и поставил его за пределами камеры, у самой двери. Еда. Миска каши, стакан воды.

Я поползла к нему. Тело слушалось плохо, мышцы ныли от долгого лежания в одной позе. Дрожащими пальцами я дотянулась до ложки.

Под ложкой что-то было. Маленький комочек бумаги.

Я придержала ложку: бумага чуть не съехала в кашу. Подняла глаза к камере, делая вид, что разглядываю потолок. Я схватила записку, сунула в рот, как будто хотела съесть, но язык почувствовал шершавую бумагу. Под прикрытием ладони убрала её изо рта в карман пижамы, прежде чем кто-то мог заметить.

Вернувшись в угол, я развернула клочок бумаги. Почерк был неразборчивый, дрожащий, написанный карандашом.

«Соколов знает. Жди. Не пей воду после 18:00».

Соколов. Я перечитала фамилию по буквам. Это могла быть записка от него или от того, кто хотел, чтобы я снова начала надеяться. Но клочок был настоящий; спрятала его ближе к телу.

Но вторая часть сообщения ударила сильнее. Не пей воду. Если я откажусь пить, они могут принять это за отказ от лечения. За агрессию. Меня могут накормить насильно. Или вколоть седативное. Это ловушка. Проверка на послушание.

Вечер пришел вместе с холодом. Дверь открылась, и в камеру вошел Виктор.

Он не был в рабочем костюме. На нем было дорогое кашемировое пальто, снятое прямо на ходу. Ворот пальто пах его одеколоном. Я раньше покупала ему такой; сейчас отвернула голову, чтобы не дышать рядом.

Он сел на пол напротив меня. Прямо на голый бетон. Ему было удобно. Ему нравилось видеть меня на земле.

— Привет, Анечка, — произнес он мягко. Так, как раньше говорил, когда мы планировали отпуск.

Повернула лицо к потолку. Стоило посмотреть на него, и я бы спросила, за что. А он именно этого и ждал: начнет объяснять, что я сама виновата. Я впилась ногтями в шов пижамы и промолчала.

Виктор достал телефон. Провел пальцем по экрану. — Ты думаешь, что ты умная. Что ты выживешь. Но ты забыла главное правило бизнеса, — он повернул экран ко мне.

На видео был Дмитрий Соколов. Он сидел в дорогом ресторане, смеясь. За столом с ним — бывшие партнеры Виктора по тендеру. Люди, которых Виктор считал своими врагами. Они чокались бокалами.

— Твой новый друг уже продал тебя, Аня, — голос Виктора был шелковым, отравленным. — Он купил эту клинику не ради тебя. Он купил долги шахты. Ты для него — расходный материал. Актив, который он списывает, чтобы закрыть сделку.

Я замерла. Взгляд прикован к экрану. Дмитрий смеется. Он выглядит счастливым. Спокойным. Таким, каким я никогда не видела его рядом со мной.

— Он ждет, пока ты сломаешься, чтобы получить твою подпись под актами о мошенничестве, — продолжал Виктор, убирая телефон. — Или пока ты умрешь. Ему выгоднее второе. Мертвая свидетельница не может дать показания против коллекторов.

Он встал, отряхнул брюки. — Подумай об этом, Аня. Пока капает вода.

Дверь закрылась. Я отвернулась от лампы, закрыла глаза. Теперь даже за закрытыми веками стоял экран его телефона.

Я повернулась к стене. В углу капал кран; ловила себя на том, что считаю капли. Записку вытащить при камере нельзя. Нащупала через карман, чтобы убедиться: не приснилась.

Соколов знает. Соколов предал.

Две правды, взаимоисключающие. Одна из них ложь. Но какая?

Если я выпью воду, я могу уснуть навсегда. Если не выпью — меня могут убить за неповиновение.

Я взяла стакан. Вода была холодной, прозрачной. В ней отражался мигающий красный огонек камеры.

Виктор блефовал? Или Дмитрий действительно играл вдолгую, используя меня как пешку в своей большой игре?

Я посмотрела на часы над дверью. Было 17:59.

Вода плеснулась о край стакана. Я так хотела пить, что запаха не различала; приложила стекло к губам и отняла. Сначала дождусь, кто придет после шести. Если это Соколов, поговорим. Если снова медсестра — придется притвориться спящей.

Что бы ни случилось завтра, сейчас мне надо сохранить голову ясной.

Я вылила воду на пол. Жидкость растеклась темным пятном, впитываясь в бетон.

За дверью слышались шаги. Они идут проверить, выпила ли я лекарство.
Я легла на спину, закрыла глаза и начала ждать.

Глава 6

Вернули в палату, уложили на койку. В одиночке колоть было некуда. Сестра держала шприц возле локтя, но попасть не могла: пальцы дрожали, и игла ходила из стороны в сторону. Я смотрела на ее руки. Пока она промахивается, можно потянуть время.

— Держите её, — прошипела сестра, пытаясь ухватить меня за запястье свободной рукой. Её пальцы были ледяными, липкими.

Я рванулась, ударив плечом о спинку койки. Металлический скрип резанул по нервам.

— Воды! — крикнула я хрипло, чувствуя, как пересохшее горло царапает гортань. — Что вы мне колете? Это не лечение, это затыкание рта!

Она посмотрела на дверь. За ней кто-то стоял; сестра хотела закончить укол прежде, чем он войдет. Я отвернула локоть внутрь. Пусть сначала объяснят, что в шприце.

— Тихо, пациентка №42, — донеслось из коридора. Я узнала Дмитрия и потянулась к краю койки. — Не заставляйте меня повторять дважды.

Соколов вошел в палату. За ним протиснулся главврач — я узнала по тому, как сестра торопливо спрятала шприц. Дмитрий глянул на мою руку и перевел взгляд на врача. Меня спросить ни о чем не успел, начал с документов.

— Документы, — бросил Дмитрий, даже не повышая голоса. — Контракт на оказание услуг, лицензия клиники, список пациентов, переданных мне сегодня. Прямо сейчас.

Главврач захлебнулся слюной. — Господин Соколов, мы не можем просто так... это медицинская тайна...

— Вы можете, — перебил он, доставая из внутреннего кармана телефон. — У вас долг перед моим фондом. Если через минуту я не получу файл на почту, я отправлю его копию в Росздравнадзор вместе с видео, где ваш персонал избивает пациентов. Выбирайте: или бумага, или тюрьма.

Врач полез в сейф, а я смотрела на свой номер на краю карты. Сорок два. Они передавали меня вместе с лицензией, как еще одну папку. Мое согласие никто не собирался получать. Я потянула руки из-под одеяла: хотя бы не лежать перед ними неподвижно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.